

Линь Цинвань с улыбкой стояла рядом с Гу Фэном. Хотя Гу Фэн уже перешагнул порог среднего возраста, он по-прежнему оставался красивым, а его фигура соответствовала стандартам властного генерального директора. Он на семь десятых походил на Гу Аньняня, обладал спокойным и утонченным темпераментом и носил вежливую улыбку.

Линь Цинвань полностью оправдывала свое имя — нежная и изящная, она выглядела как благородная девица из семьи ученых, истинная красавица с берегов Цзяннаня. Облаченная в ципао цвета весенней зари, с грациозной осанкой, она, как и Гу Аньнянь, смотрела на всех полными улыбки персиковыми глазами.

Аньнянь почувствовал, как рука, которую он сжимал, дрожит от напряжения, и поднял взгляд на Мо Наньяна.

Тот, казалось, пытался вернуть свой привычный холодный и отстраненный вид, чтобы отгородиться от незнакомцев, но при мыслях о том, что это родители Аньняня, его неподдельно ледяное лицо несколько неестественно изобразило дружелюбие, а в уголках рта началась нервная судорога, поскольку он совершенно не представлял, как улыбаться естественно.

Аньнянь мягко похлопал Мо Наньяна по руке, и его персиковые глаза излучали успокаивающее сияние.

Спрятав их соединенные руки под одеялом, Аньнянь лучезарно улыбнулся:

— Мама, папа, вы вернулись! Это мой одноклассник, Мо Наньянь.

Линь Цинвань подошла к Мо Наньяну, в то время как Гу Фэн поставил ужин на стол.

— Так это тот самый одноклассник Мо, о котором часто рассказывал Няньнянь? Спасибо тебе большое за заботу о нем в школе.

Линь Цинвань дружелюбно помахала Мо Наньяну рукой.

— Как удачно вы пришли, Няньнянь ведь только недавно очнулся.

Заметив, что лицо Аньняня слегка побледнело, Линь Цинвань, еще мгновение назад олицетворявшая собой мягкую красоту, тут же нахмурилась так глубоко, что между бровей залегла складка в виде иероглифа «чуань».

— Няньнянь, что с тобой такое? Почему твое лицо снова так сильно осунулось? Тебе опять стало плохо?

Стремясь проявить заботу, Линь Цинвань приложила руку ко лбу Аньняня. Почувствовав теплую, но не слишком горячую температуру тела, она слегка вздохнула с облегчением, однако

продолжала смотреть на сына с серьезным выражением лица.

— Все в порядке, мам. Наверное, просто немного продуло.

Линь Цинвань бросила на него укоризненный взгляд и потянула край одеяла, желая укрыть его повыше.

И тут она заметила спрятанные под одеялом соединенные руки парней. На секунду в ее голове будто замкнуло — она лишилась дар речи от изумления, а движение так и замерло на полуслове.

Гу Фэн, все еще распаковывавший еду, боковым зрением уловил странную перемену в жене.

В его бархатистом голосе слышались нотки беспокойства:

— Ваньвань, что случилось?

Линь Цинвань пришла в себя и неловко рассмеялась:

— Ха-ха-ха, ничего, ничего, просто кое о чем внезапно вспомнила.

Она машинально дотянула одеяло доверху и наградила Аньняня многозначительным взглядом, обещающим разговор по душам после выздоровления.

Аньняню оставалось лишь позабавиться: отношения между ним и Мо Наньяном еще даже толком не начались.

Он скосил глаза на растерянного Мо Наньяна.

Интересно, когда же он наконец признается.

Мягкий голос прозвучал в сознании 995, который сидел в стороне и радостно подсчитывал очки.

995 крайне небрежно отозвался:

— Ой, скоро-скоро, уровень благосклонности уже до семидесяти дошел, хе-хе-хе.

Увидев, как 995 погрузился в подсчет очков, Аньнянь невольно улыбнулся.

Линь Цинвань, которая все это время не сводила с них глаз, всю обменивалась с мужем бешеными взглядами.

Глядя, как жена строит ему рожицы, Гу Фэн озадаченно склонил голову набок.

Линь Цинвань с абсолютным безмолвием в душе схватилась за голову: этот увалень тупел с самого детства, здесь уже ничего не попищешь.

Затем она с кроткой улыбкой протянула чашку с кашей Аньняню:

— Ну же, Няньнянь, ты ведь наверняка проголодался.

Аньнянь взял кашу обеими руками и принялся маленькими глотками ее есть. Опасаясь, что один лишь белый рис будет слишком скуден на питательные вещества, Линь Цинвань добавила туда немного мяса, разваренного до состояния нежнейшего пюре, чтобы его было проще усваивать.

Когда Аньнянь забрал руку, Мо Наньян вдруг ощутил странную пустоту и принялся жалобно смотреть на него.

Поглощенный кашей Аньнянь ничего не заметил.

— Держи, хороший мой, здесь еще есть.

Линь Цинвань достала вторую пиалу и протянула ее Мо Наньяну.

Каша из нежирного мяса оказалась приятно согревающей — точь-в-точь как его нынешние ощущения внутри.

Родители Аньняня, как и он сам, излучали тепло.

— Спасибо, тетя.

Искренний взгляд Мо Наньяна сиял так ярко, что Линь Цинвань показалось, будто мальчик вот-вот расплачется.

— Ой, к чему эти церемонии, у тети тут всего вдоволь. Не буду вам мешать, молодые люди, как закончите — просто позовите меня.

Линь Цинвань торопливо вытолкнула Гу Фэна за дверь.

Закрывая ее, она специально оставила узкую щель, а сама отошла на несколько шагов назад и остановилась в конце больничного коридора, глядя на пейзаж за окном.

Скрестив руки на груди, Линь Цинвань строго посмотрела на Гу Фэна.

Выражая всем видом крайнюю досаду на его непонятливость, она ткнула мужа в грудь изящным пальцем:

— Каждый раз, когда мы навещаем сына, ты вечно молчишь! Посмотри на маленького Мо — у него же глаза буквально прилипли к нашему Няньняню! Между этими двумя явно что-то есть.

Линь Цинвань пронзительно взглянула на Гу Фэна.

Тот лишь беспомощно усмехнулся, мягко притянул жену в объятия и погладил ее шелковистые волосы:

— Ваньвань, я знаю, что был неправ, но нам с тобой все же стоит понаблюдать за ними.

Гу Фэн-то воспринял новость на удивление легко, а вот остальные... впрочем, поручиться за будущее было нельзя.

Услышав это, Линь Цинвань тут же оттолкнула мужа:

— Ты ставишь под сомнение способность женщины шипперить парочки?!

Ухватив Гу Фэна за руку, она на цыпочках подкралась обратно к двери палаты и заглянула в щель, наблюдая за действиями Мо Наньяна и Аньняня.

В этот момент Аньнянь, увлекшись кашей, случайно испачкал губы, и Мо Наньян бережно стер след салфеткой, действуя с такой аккуратностью, словно обращался с каким-то редчайшим сокровищем.

Заметив, что каша Мо Наньяна осталась нетронутой, Аньнянь поинтересовался:

— Учитель Мо не будет есть? Каша скоро остынет.

Мо Наньян выбросил салфетку в урну:

— Я поел перед уходом.

Вспомнив мать Мо Наньяна, которая вечно возвращалась домой поздно и наверняка выбивалась из сил от тяжелой работы, Аньнянь подумал, как трудно ей приходится.

— Тогда заведи ее для тети. В конце концов, ты же не хочешь расстраивать мою маму, правда?

Опасаясь, что Мо Наньян откажется, Аньнянь предусмотрительно прикрылся именем Линь

Цинвань.

Его чистые, прозрачные и сияющие, подобно звездам, глаза излучали мягкое тепло.

Столкнувшись с таким взглядом, Мо Наньян не стал оправдываться.

В его сердце вновь затрепетали струны — доброту Аньяня он сохранит в памяти навсегда.

— Угу.

На его губах застыла улыбка, которую было уже невозможно скрыть.

За дверью.

Из-за расстояния они не расслышали, о чем именно говорили парни, но это ничуть не мешало Линь Цинвань угадывать обстановку по их лицам.

— Только посмотри, их взгляды буквально плаваются от нежности! От них же сахарной ватой за версту несет, до розовых пузырей! Почему ты, такой непробиваемый сухарь, до сих пор ничего не замечаешь?

Линь Цинвань толкнула Гу Фэна локтем в грудь, и тот обиженно прикрыл ушибленное место руками.

— Дорогая, я же говорю, что был неправ...

С этими словами он бросил на Мо Наньяна полный горькой обиды взгляд — вовсе не из-за ненависти, а просто потому, что тот жутко его раздражал.

С какой стати их домашнюю капусту должен сожрать какой-то хряк, из-за которого ему еще и достается от собственной жены?

Бросив взгляд на обычно невозмутимого главу корпорации Гу, сейчас выглядевшего донельзя удрученным, Линь Цинвань невольно усмехнулась. Однако стоило ей вспомнить нынешнее состояние здоровья Аньяня, как на сердце вновь скребли кошки.

Тихонько прикрыв дверь, она лишила Гу Фэна возможности и дальше заглядывать внутрь.

Печально вздохнув, она взяла мужа за руку:

— Пусть все идет как идет. Пока Няньнянь не творит ничего преступного, мы прикроем его в

любом случае. Он с детства был послушным, но натерпелся столько боли — какая еще мать вынесет, чтобы ее ребенок круглые сутки мотался по больницам?

Стоило Линь Цинвань вспомнить маленькие ручки Гу Аньняня, цеплявшиеся за ее пальцы в раннем детстве и звонко звавшие ее мамой, как ее сердце готово было растаять.

А следом в памяти всплыл сегодняшний хрупкий, болезненный юноша.

Он уже научился любить, а тот малыш из прошлого ведь и правда вырос...

— У нашего Няньняня все счастье еще впереди, перестань грустить.

Гу Фэн поцеловал слегка покрасневшие уголки глаз Линь Цинвань, хотя вид Мо Наньяна по-прежнему вызывал у него глухое раздражение.

Она шутливо наградила его сердитым взглядом:

— Сколько лет в браке, а всё туда же, и ведь не стыдно — мы же в больнице!

— На нашем этаже никого нет, так что вини во всем свою неотразимую красоту.

Договорив, он накрыл губы Линь Цинвань поцелуем.

В этот самый момент дверь издала щелчок, и Мо Наньян остолбенел, обнаружив перед собой обнимающуюся парочку.

Заметив замершего на месте Мо Наньяна, Аньнянь тоже слез с кровати, намереваясь проверить, в чем дело. Но едва он высунул голову, как его глаза закрыла чья-то теплая и крепкая ладонь.

— Детям на это смотреть не положено.

<http://bllate.org/book/21569/2221033>